

ВСТРЕЧА

6 июля (22 июня ст. ст.) историк российского театра должен будет отметить одну знаменательную дату, которая до сих пор не попадала в календарь „юбилейных памяток“. Тридцатилетие „духовного зачатия“ московского Художественного Театра: день встречи К. С. Станиславского с Вл. И. Немировичем-Данченко, — той их беседы, которая, начавшись в 2 часа дня, закончилась только на следующее утро, и которая результатом своим имела соглашение о создании нового театра — такого, „в котором найдут приют лучшие произведения Чехова, Гауптмана и другие, не нашедшие себе приюта, театр, в котором росла бы молодежь, который питал бы таланты, и, наконец, театр, который шел бы по новому пути“. Так определял существо проектируемого театра один из его создателей — Немирович-Данченко.

Мы насколько не собираемся в этом как бы юбилейном очерке вспоминать тот очень сложный и трудный путь, по которому шла работа возникшего через год после той встречи — театра. Нам хочется лишь остановиться на некоторых подробностях, обычно не попадающих в поле зрения исследователей-историков, а между тем вскрывающих весьма важные моменты для понимания той исторической обстановки, в которой происходила тридцать лет тому назад борьба за новый театр, за новые сценические и драматургические идеи. Прежде всего, самая возможность открыть театр была обставлена такими трудностями, о которых лучше всего говорит саркастическая фраза Антона Рубинштейна, однажды воскликнувшего: „скорее добьемся мы конституции, чем свободы театров в столицах“. Монополия министерства двора, в ведении которого находились императорские театры, довела над всеми помыслами и мечтаниями людей, стремившихся создать нечто новое и свежее, выйти из штампа казенщины.

Вспоминая через 28 лет об этой знаменательной беседе, К. С. Станиславский писал, что „мировая конференция народов не обсуждает своих важных государственных вопросов с такой точностью, с какой мы обсуждали тогда основы будущего дела, вопросы чистого искусства, наши художественные идеалы, сценическую этику, технику, организационные планы, проекты будущего репертуара, наши взаимоотношения“.

Такова справка, передающая о встрече, имевшей, как мы знаем теперь, действительно историческое значение. Но она будет неполна, эта архивная справка, если мы сейчас же не дополним ее некоторыми данными, которые восстанавливаются не по беседе Немировича и Станиславского, а по тем дальнейшим подробностям, которые, естественно, должны были как бы оформить состоявшееся соглашение. Впрочем — это не столько подробности, сколько штрихи к тому социальному фону, на котором должна была развернуться предстоящая деятельность создаваемого театра.

На кого опирались инициаторы нового дела? На кого рассчитывали они, как на лиц, могущих создать материальную базу театра? На первых порах классовая природа будущего театра казалась неясной. Конечно, можно было говорить о „чистом искусстве“, писать большие докладные записки, раскрывающие новые методы режиссуры и „новые взгляды на репертуар“, но для реализации идеалистических воззрений нужно было найти прочную опору. И она

нашлась, но не сразу. Театр был рассчитан на потребителя из кругов трудовой интеллигенции, как мы выразились бы теперь, — на „небogatый слой населения“, как выразился в одном из своих докладов Немирович-Данченко. Об этом свидетельствовали попытки передать будущий театр, может быть, энергично работавшему тогда „культуртрегерскому“ — „Обществу распространения технических знаний“, а, может быть, и московскому городскому самоуправлению. Во всяком случае, делались в этом смысле предложения и „Обществу“ и Городской Думе. И тут нужно отметить одно обстоятельство, которое казалось тогда руководителям создаваемого дела несколько непонятным: театр, в конце концов, предназначался для „небogatых слоев городского населения“, — общедоступность цен была положена в его основу, — а, между тем, городская Дума отказалась субсидировать театр. Теперь нам совершенно непонятно почему. Стоит только уяснить себе социальные группировки московских думцев 30 лет тому назад, чтобы понять, насколько чуждыми и неприемлемыми в глазах тогдашних „отцов города“ были новаторские идеи создаваемого театра.

Материальную базу театр нашел совсем в иных кругах Москвы: в среде той менестратствующей верхушки московского купечества, которая как раз в эти годы, с округлением капиталов, начала особенно пристально присматриваться к искусству, великолепно понимая всю выгоду использовать в своих интересах деятелей литературы и театра. Финансисты нашлись среди директоров московского Филармонического Училища. Здесь охотно вступили в состав „негласного паевого товарищества“ Ушков, Лукутин, Фирганг. Пришел на помощь и С. Т. Морозов, первый взнос которого выразился в 5 тыс. рублей и щедрой поддержке которого театр был вообще обязан в будущем чрезвычайно многим.

Так выковывалась после „лирической беседы“ 6 июля та социальная действительность, которая предопределяла идеологические судьбы театра. Материально опираясь на верхушки крупнейшей буржуазии и либерализирующих менестратов московского купечества, театр очень скоро должен был потерять тот оттенок „демократизма“, который рисовался столь явственно в первые дни после 6 июля. И название театра „Художественно-общедоступный“ должно было скоро исчезнуть с вывески, как явно не оправданное. Зрителем театра на весь период его истории до революции 17 г. оставалась интеллигент. И это, в свою очередь, предопределило идеологическую сущность его репертуара.

Разумеется, этот учет движущих классовых сил, под влиянием которых родился Художественный театр, насколько не лишает историка искусства права говорить о той огромной исторической роли, которую сыграл Московский Художественный Театр, как одно из самых культурных начинаний России конца 19 века, — как один из самых глубоких расщелинников новых театральных и художественных течений, которые возникали в ту эпоху. И в учете всех слагаемых, которые дали такое огромное, такое сложное, такое исторически-нужное, такое высокоценное явление, как Московский Художественный Театр, нелишними окажутся и эти подробности, ведущие нас к „предистории“ театра, датой „идейного зачатия“ которого все же мы будем считать 6 июля (22 июня ст. ст.) 1897 года.

ЮР. СОБОЛЕВ